

5 февраля 1893 года

Мы навсегда послать привѣтъ прощальный  
 Артисткѣ собрались въ послѣдній разъ,  
 Волшебницѣ, изъ прозы въ идеальный  
 Прекрасный міръ переносившей насъ,  
 Въ тотъ чудный міръ, гдѣ бури замолкаютъ,  
 Которыми намъ жизнь омрачена,  
 Гдѣ грезы, воплощаясь, оживаютъ,  
 Гдѣ душу холить вѣчная весна.

Жизнь топить въ дрязгахъ насъ неумолимо;  
 Что день, то мы становимся черствѣй;  
 Тѣмъ бережнѣй за то хранить должны мы,  
 Что есть еще возвышеннаго въ ней;  
 Тѣмъ ярче намъ звѣздою путеводной  
 Въ круговоротѣ жизненныхъ тревогъ  
 Сіяетъ міръ искусства благородный,  
 Прекраснаго и свѣтлаго залогъ.

*Мощь красоты насъ въ небесахъ возво-  
 даръ Фрацій — избраніе неслѣдъ; 74/5,  
 Въ изваянъ, но на творца походитъ,  
 Доко камни духъ создавалъ немыслимъ;  
 Въ подобіи безпокетнаго достройнаго  
 Его достройка форма была доведена,  
 И только лишь въ возвышенномъ истройномъ  
 Прекраснаго сіяютъ стѣмена.*

Мощь красоты живить весь строй вселенной  
 И править ходомъ солнцевъ и свѣтилъ,  
 Храня законъ созвучья неизмѣнный  
 И равновѣсье въ битвѣ чуждыхъ силъ;  
 Одною ей нашъ духъ облагороженъ;  
 Она — свѣтило нашему уму;  
 Она вездѣ, ей всякій путь возможенъ,  
 Высокій смыслъ она даетъ всему.

Чѣмъ выше, чѣмъ святѣй и благодатнѣй,  
 Чѣмъ ярче проявленія у ней, —  
 Они тѣмъ проще, ближе и понятнѣй,  
 Тѣмъ образнѣй, прекраснѣй и живѣй.  
 Та истина, которую, утратя,  
 Въ усильяхъ ищетъ вновь мудрецъ оѣдой,  
 Понятна глазу слабому дитяти  
 Въ созвучьяхъ стройныхъ пластики живой.

Что въ очертаньяхъ тонкихъ идеала  
 И чувства благороднѣйшихъ чертахъ  
 Рѣзецъ искалъ и кисть изображала,  
 Что видѣли мы только въ смутныхъ снахъ, —  
 Все то намъ въявь Гейтенъ воплотила,  
 Все то она нашла въ себѣ самой  
 И наяву прекрасное явила,  
 Воздушность сочетавши съ простотой.

Въ сіяніи верховномъ вдохновенья  
 Вездѣ была открыта, понята  
 Поэзія свободнаго движенія  
 И женственности вѣчной красота, —  
 И въ „Дочери прелестной Фараона“,  
 И въ „Трильби“, и въ „Гитанъ“ огневой,  
 Въ „Жизели“, въ „Статуѣ Пигмаліона“,  
 Въ „Фенеллѣ“ и въ „Коппеліи“ живой.

Что сердце намъ тревожитъ и волнуетъ,  
 Что спитъ въ его бездонной глубинѣ,  
 Что душу тайной прелестью чаруетъ, —  
 Все откликъ въ ней живой нашло воплощ.  
 „Качуча“, „романеска“, „сальтарелла“,  
 „Редова“, „тарантелла“, „обертась“, —  
 Повсюду въ Гейтенъ жизнь ключомъ кипѣла  
 И страсть повсюду билась и лилась.

Такъ пусть въ прощальный грустный мигъ  
 Сознанье

Высокое подниметъ намъ сердца,  
 Что вѣчны дивной красоты созданья  
 Что нѣтъ ея могуществу конца!  
 Пусть на осеннемъ праздникѣ искусства,  
 На торжествѣ прощальномъ красоты,  
 Намъ свѣтлое вольется въ душу чувство  
 И свѣтлыя нагнетъ намъ мечты.

Чтобъ еще разъ оживевшимъ лица  
 И вѣй сердца забились опять,  
 Чтобъ вѣщаго искусства дивной жрицѣ  
 Привѣтъ прощальный еще разъ послать,  
 Сказать ей, что пока живящей силой  
 Еще въ насъ чувство граціи живетъ,  
 До той поры и имя Гейтенъ легкокрылой  
 Въ преданіяхъ искусства не умретъ!

Москов. листокъ. Москва 1893. 5 февр.